

Задумавшись над формулой процитированного Сухомлинского.

Икона России - Пушкин - не отличался нежным отношением к родной матушке. В детстве, известно, великий поэт бредил няней, а не мамочкой. В зрелости приступы сыновней «любви» чаще стимулировал карточный долг. В письмах друзьям и близким Пушкин упоминает матушку, сетует на ее здоровье крайне редко.

Или (что бывает значительно чаще) и мамочка хороша, а вот чувство обожания к ней почему-то никак на Родину-мать не распространяется. Посмотрите, сколько одиноких мам (и пап) оставили доживать век в России эмигранты четырех поколений.

Любовь к Родине начинается с порога дома, в котором ты живешь. Со всего живого, что тебя окружает. С суммы первых впечатлений, страданий, первых побед над собой.

быть по-хорошему безответственным: за себя, за тех, кто рядом? Детство должно принадлежать ребенку, а не воспитателю. Воспитатель - лишь любящий режиссер детства. Жизнь сложна сама по себе, без искусственных препятствий (приемов, методов) педагогов.

Илья Эренбург жил в одной эпохе с Сухомлинским, но он (не педагог по призванию и профессии) понимал: «Трудно

Не знаю, изменял ли отец моей матери. А если изменял, то что при этом чувствовал, какие вынес уроки из чужой спальни.

ИМ НАША ИСКРЕННОСТЬ МИЛА...

Не ведаю, был ли левый роман у моей мамы. Слышал, что за мамой до встречи с отцом ухаживал военный летчик, такой же высокий и красивый, как отец. Но мама его отбила после того, как увидела... замерзшую каплю на кончике носа. Теперь-то понятно, что эта нечаянная капля запомнилась маме сильнее, чем сам летчик.

Я не знаю, кто была первая женщина моего отца, как ее звали, как выглядела. Наверняка она была - женился он сравнительно поздно, в 33 года.

В свое время я постеснялся спросить родителей, какой была их личная жизнь. Но если я не знаю самого сокровенного, то знаю ли вообще их? И если родители не знают моего второго Я, то как я могу помочь им понять меня?

...Дети видят лишь малую часть айсберга жизни родителей, хотя живут с ними под одной крышей. Возможно, целуют друг друга, уходя на ночлег. Возможно, целуются, просыпаясь. Возможно, завтракают и ужинают вместе... И при этом каждый может остаться абсолютно одиноким. Вещью в себе.

Отцу не надо было доказывать мне, что он любил мою маму. Мне достаточно рассказа маминной сестры о том, как отец оттирал маме колени ладонями и дыханием на трамвайной остановке в сорокаградусный мороз. Мама была пижонкой - мороз приварил капрон к ее коленям. Она стеснялась папиного поступка, потому что на остановке былолюдно, но была счастлива.

Почему бы ей не рассказать об этом на заре моей юности? Увы, взрослые делают все, чтобы скрыться в бронированном коконе. Но их очень сердит, если сын или дочь тоже не пускают их в свое сердце.

Странное дело: я не знаю, кого любил мама или папа кроме друг друга, но знаю, что Наталия Гончарова была 113-й (!) женщиной в судьбе Пушкина.

Личную жизнь Олега Табакова мы знаем лучше, чем жизнь своих родителей. Вместо фамилии уважаемого артиста можно поставить сотни других тоже известных, из того же ряда. Изнанка гласности - личная жизнь постоянных людей - нам доступнее, чем история собственной семьи. Чем жизнь прямых предков. Мы с удовольствием читаем про любовь, скажем, Федосеевой-Шукшиной, но проходим мимо переживаний юности собственной мамы. Пассия Павла Буре интереснее, чем школьная любовь отца... Хотя вместо Табакова и Буре придут другие, а родители вечны. Их опыт неповторим. Он тоже единственный в своем роде. Он тоже реликт, причём не растражированный, а значит, только твой. Реликт, выросший в родной почве.

Тесть и теща стали мне ближе после того, как я «распотрошил» историю их любви. С присутствием журналисту занудством я узнал про их первую встречу, первые танцы, первый поцелуй... Рядом сидела жена и дети. Многие о стариках они слышали впервые. Слушали с открытыми ртами. Ахали. Восхищались. Жалели. Стыдились. Переживали. Точнее, со-пе-ре-жи-ва-ли рядом идущей жизни. Но в результате все вмиг стали ближе друг другу.

Да и тесть с тещей разволновались. Посмотрели на собственную юность с высоты жизни, опыта, ссор, примирений, разлук, встреч, переездов... Из-за стола все встали ДРУГИМИ. Дочь извинилась перед бабулей за что-то давнее. Жена как-то по-особому трогательно приобняла отца, ткнулась лицом в его плечо. Дело происходило на даче - все пошло смотреть на звезды, просветленные воспоминаниями стар-

ших, будто выплакавшиеся душой. Пошли обнявшись. Такого внезапного единения давно не случалось...

Отцу не надо было доказывать мне, что он любил мою маму. Хватило бы и рассказа, как мать поступала в медицинститут. Время было послевоенное... Мама прошла по конкурсу, попала в списки зачисленных. Уже по рюмочке успели вечером пропустить в общезитии по такому случаю, как наутро сту-

качи что-то нашептали ректору про эту вечеринку. Он возьми и сократи прием на десять человек. Под его скальпель попала мама и еще девять ни в чем не повинных ребят.

Отец узнал об этой «казни». Он не вошел, он вломился к ректору, провался к нему сквозь кордоны секретарш и замов. Когда объяснения, просьбы, увещевания не помогли, взял со стола мраморную чернильницу и...

Что-то удержало отца в последнюю секунду, какой-то последний проблеск здравомыслия...

Вычеркнутый из списка десятков студентов был восстановлен.

Ректор «не заметил» поступка отца, чуть не ставшего роковым для обоих. Ректор понял, что фронтовик прав. Тем более когда он прав на самом деле.

Мне рассказали об этом другие люди, не отец. Наверное, он стеснялся этого несовершенного (слава богу!) поступка. А зря. Я уважал бы его не меньше, если не больше.

Можно прожить бок о бок долгие годы и не понять, не увидеть в родителях чего-то очень важного. Возможно, главного. Но нечаянный эпизод из их жизни, услышанный от кого-то, известный, случайно подсмотренный, может одним мазком, штришком завершить картину, высветить жизнь предков новым светом. Под другим углом.

Родители, как правило, лакируют собственное прошлое в глазах детей. Они забывают: трудно быть Богом, но еще труднее жить рядом с Богом. Ребенок должен любить нас такими, какие мы есть, а не какими могли бы быть. (Речь, разумеется, не о дебоширах, хулиганах и беспросветных пропойцах, хотя любят и таких...) Ведь мы же любим наших детей со всеми их потрохами, недостатками, проступками.

Возможно, взрослые для того и прячут перед детьми свое прошлое, чтобы получить право шпынять их за настоящее. Ребенок должен знать, что родители имели и имеют право на свои ошибки. Они живые люди, а не куклы с резиновой совестью.

Парадокс времени: наши дети учатся до мельчайших подробностей улавливать настроение Наташи Ростовской на балу и после бала, отмечать ее румянец, блеск глаз, томление, робость, смятение, но не умеют, да и не хотят, просчитать напряженную молчаливость отца, ее причину. Наши дети могут описать переживания влюбленного Овода или Вертера, но не способны догадаться о причине сердечной тоски матери...

Это и от того, что отец редко бывает сыну другом, а мать - подругой дочери. Привычнее отношения старший и младший, ведущий и ведомый, начальник и подчиненный, шеф и подшефный... Спонсор и спиногрыз. При таких отношениях полное и даже полудовверие исключены. Или почти исключены. В отношениях хороших друзей доверие - главная ценность.

И вот еще что. Взаимный обмен поведением полезен и старому, и малому. Иной рассказ отца (матери) стоит библиотеки прочитанных книг. Почему полезен и родителю? Освежает, взбалтывает чувства. Обновляет аромат прошлого. В воспоминаниях (согласитесь) мы всегда щедрее, чем в жизни. Вспоминаю, просвечивая себя беспощадным рентгеном, мы снимаем невидимую окалина с души. Впускаем в легкие свежесть сирени. Дальше с этим легче жить.

Признаюсь, я не рассказывал собственному старшему сыну о своих уроках жизни, да он и не спрашивал. Когда Глеб женился, он фактом своей женитьбы как бы уравнивал наши мужские права друг на друга. Да и на жизнь тоже. Наверное, теперь я решусь рассказать ему то, о чем не решался поделиться раньше.

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

ПОЛЮБИТЕ ДЕТСТВО!

Не перечитываю - перелистываю по пометкам на полях, оставленным в юности, книги классиков советской педагогики. У Сухомлинского: «Любовь к Родине начинается с любви к матери». Звучит как истина в последней инстанции, категорично. Это предписывалось зарубить на носу любому преподавателю средней школы, студенту педвуза, родителям. Талантливый педагог и человек, Сухомлинский время от времени делал науку воспитания служанкой красного знамени. Он много (но охотно ли?) цитирует Ленина и Дзержинского. Да не он один. Тогда как педагогика - плод обыкновенного здравого смысла многих поколений влюбленных в детство людей. Педагогика самодостаточна. Она обойдется без идеологических костылей.

В то же время не найти человека, любившего Россию так последовательно и трезво, как Пушкин. Литература Пушкина выше нравственности, говорил Довлатов. «Его литература сродни молитве...»

И любовь Лермонтова к Родине началась не с матери, а, скорее, с бабушки (во что я тоже плохо верю, просто следую логике Сухомлинского).

Лорд Байрон мать обожал, а погиб, сражаясь за независимость... Греции. Фаддей Булгарин тоже любил свою мать, но воевал против родины - России - в армии Наполеона. Правда, Байрон был романтиком и гением, а Булгарин - отпетым негодяем, но тезис Сухомлинского опрокидывают оба.

Иван Сергеевич Тургенев - еще одна «визитная карточка» России - вырос в среде, где грудью крепостной крестьянки вскармливали щенков борзой собаки. Но кто еще, как Тургенев, так понимал, так воспевал Россию и ее женщин?

Мама (увы!) может быть никудашной, но это не значит, что нелюбовь к ней станет обязательным продолжением нелюбви к Отечеству, в котором эта мать тебя зачала и родила.

Мне понравилась мысль автора «Пластилиновой вороны» композитора Григория Гладкова, который однажды сказал, что по-настоящему Родину любит тот, кто украшает цветы на подоконнике собственного подъезда. Кто благоустраивает, украшает собственный путь с работы домой. «Немцы, - говорит Гладков, - любят свою Германию. Иначе каждый из них не стал бы каждый день мыть площадку вокруг дома теплой водой с шампунем».

А мы рассказываем детям о судьбе Курильских островов, но они, выслушав нас, пишут в собственном подъезде.

Незыблемая ранее формула Сухомлинского трансформировалась сейчас в более практичную и жизнестойкую: «Любовь к Родине начинается с уважения к самому себе». Любовь к Родине абстрактной начинается с любви к маленькому пятачку Родины конкретной. От «родинки» - к Родине. А не наоборот.

Еще цитата из Сухомлинского: «В детстве не должно быть бездумного, безмятежного счастья». Чем не прямое продолжение мысли Маркса: «Счастье - в борьбе!»?

Да помилуйте! Именно в детстве оно и должно быть безмятежным. Когда еще можно

было спорить о статье Плеханова и одновременно мечтать о счастье». Эренбург вспоминает подругу своего замоскворецкого детства Надю Львову, влюбленную в поэта Валерия Брюсова. Брюсов был старше влюбленной гимназистки на 18 лет, видел любовь девчонки и осторожно к этой любви относился. Но Надя Львова, уверенная, что безмятежного детства быть не должно, посещала не литературные посиделки поэтов (она тоже писала неплохие стихи), а кружок эсеров. Впоследствии она застрелилась. Ибо взвалила на свои стрекозы плечи непосильную ношу «общественного долга». Похоронили ее на кладбище в Марьино Роше. На памятнике - строка из Данте: «Любовь, которая ведет нас к смерти...»

Специально взял пример из времени, в котором формировались и жили классики советской педагогики. Чтобы меня не обвинили в подтасовке аргументов. Пример гиперболизирован. Но зато понятен: детство - это не игра во взрослую жизнь, это - ДЕТСТВО. Счастливое в безмятежности. Детство - не предприятие. Это - состояние.

В детстве человек должен познавать мир не через его пороки, а через праздники. Не через собственный опыт борьбы «добрых сил с темными», не через собственный опыт поражений, а косвенно - через сказки, комиксы, спектакли, музыку, рисунки, фильмы...

Пороки приклеются сами, дай только срок. И проблемы заявят о себе в полный голос. А вот праздник ребенку надо организовать. Детство заканчивается, когда начинается познание жизни через ее проблемы. Чем меньше у ребенка в детстве проблем, тем больше у него детства. Ежедневное, ежечасное преодоление гнусностей и глупостей убивает в крови ребенка витамин оптимизма. Витамин радости, который и делает ребенка непохожим на взрослого.